

Еще один перевод в том же духе «исправления» Валерия Максима: «*Рассказывают, что какой-то необыкновенный ребенок родился на голове слона...*» (I. 6. 5). Роды на голове слона – это действительно необычно. На самом деле переводчик объединил здесь две фразы, перевод которых звучит так: «*Поверили, что шестимесячный ребенок на Бычьем форуме крикнул “триумф”, а другой родился с головой слона...*» (*credita sunt, puerum infanтем semenstem in foro Boario triumphum clamasse, alium cum elephantino capite natum...*).

Просто поразителен перевод конца параграфа о гибели консула Г. Фламиния (I. 6. 6): «*и похоронили все, что от него осталось, предав земле таким образом и римское государство*» (*ad funerandum... quī, quantum in ipso fuerat, Romanum sepelierat imperium*). Смысл же фразы весьма прост: Ганнибал приказал разыскать для захоронения тело Г. Фламиния, «который, насколько от него зависело, похоронил (погубил) римское государство». Здесь единственная проблема – кого понимать под относительным местоимением *quī*, Ганнибала или Фламиния.

Меня, довольно давно занимающегося коллегией авгуров, весьма заинтересовало, где переводчик нашел следующую информацию: Октавий «*вырезал на статуе знак δ – печальный знак авгуров*» (I. 6. 10). Речь здесь идет о «зловещем предзнаменовании» (*maestum augurium*), а знак *δ* ни в одном источнике вообще не упоминается, являясь чистым домыслом.

Грубейшие ошибки имеются и в комментариях. Назову лишь одну, свидетельствующую о незнании элементарных фактов римской истории: переводчик решил, что в истории, рассказывавшей о консуле 215 г. до н.э. Тиб. Гракхе, погибшем от рук карфагенян, речь идет о знаменитом плебейском трибуне 133 г. до н.э.: «*Не совсем ясно, что имеет в виду Максим. Тиберий Гракх, как известно, погиб в вооруженном столкновении на римском Форуме*» (с. 262–263). После чего идет невероятно странная попытка связать этого плебейского трибуна с Магоном, карфагенским полководцем во II Пунической войне.

Думаю, вполне достаточно анализа и части данного перевода. Даже одна подобная ошибка может поставить под вопрос компетенцию переводчика, но при таком их количестве я не могу даже определить, что представлено российскому читателю под видом перевода, тем более фактически первого на русском языке. Даже гораздо более безобидные неточности перевода и меньшие вольности при передаче смысла сказанного древними авторами вызывали у читателей обманчивое впечатление о противоречивости и недостоверности нарративной традиции. В рецензируемом же переводе абсурдность понимания римских реалий фактически приписывается Валерию Максиму. Ситуация усугубляется до крайности неряшливым стилем, что затрудняет понимание смысла напечатанного текста. Опасность таких публикаций ни в коей мере нельзя недооценивать, ибо они подпитывают нигилизм и дилетантизм в области истории, столь широко распространившиеся в последнее время. Не может не удивлять также то обстоятельство, что откровенная халтура вышла в издательстве солидного и уважаемого университета, чье имя априорно должно давать «гарантию качества».

А.М. Сморгков

© 2009 г.

T. BOIY. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon (Orientalia Lovanien-sia Analecta 136). Leuven, etc., 2004. XX, 385 p. + XI plates

Цель настоящей рецензии – привлечь внимание к прекрасно изданному труду, в котором впервые обстоятельно рассмотрены социально-экономические, политические и культурные аспекты истории города Вавилона позднеахеменидского, эллинистического и парфянского периодов. Автор книги Т. Бой рассматривает клинописные, древнегреческие и арамейские тексты, астрономические дневники, содержащие информацию о лунных затмениях, уровне Евфрата в разное время и о ценах на некоторые товары, а также привлекает для своего исследования археологические и нумизматические источники. Среди этих источников особый интерес представляют глиняная табличка парфянского времени, содержащая список победителей на спортивных соревнованиях, и так называемые тексты Ггаесо-Babyloniaca – глиняные таблички I в. до нашей эры и начала н.э., на одной стороне которых содержится шумерский и/или аккадский клинописный текст, а на другой – его транслитерация греческим алфавитом. Подробно исследованы также топография Вавилона в эллинистическое и более позднее время, когда этот город из одного из мировых центров превратился в провинциальный город, передав свой административный аппарат и доминирую-

щее положение Селевкии-на-Тигре, изучены его политическая история, социальные институты, экономика и религия его обитателей.

Оживленная деятельность города и его роль в международной торговле сохранялись до первых десятилетий I в. н.э., но сам город существовал до III в. н.э. По предположению автора книги, максимальное число жителей Вавилона в VII–V вв. до н.э. составляло около 180 000 жителей, но в позднеевклидский и эллинистический периоды там обитало приблизительно 50 000 человек (с. 233). Как известно, в исторической литературе высказывались различные мнения относительно достоверности сообщаемых Геродотом сведений в его логосе о Вавилоне. До недавнего времени большинство исследователей считали эти сведения достоверными и полагали, что отец истории сам посетил Вавилон и, несмотря на отдельные неточности, дал его верное описание. Но известный австрийский ученый Р. Роллингер высказал мнение, что нет оснований для такого предположения, поскольку имеющиеся археологические свидетельства и данные Геродота значительно расходятся, и поэтому сомнительно, что отец истории был в Вавилоне. Такое мнение в настоящее время поддерживается многими историками, и по-видимому, Бой также склоняется к тому, чтобы принять его (с. 68–69, там же даны ссылки на литературу).

Особое внимание автор уделяет проблеме греческого влияния на Вавилон эллинистического времени и приходит к заключению, что это влияние заметно главным образом в архитектуре (включая здание греческого театра в городе), утвари и письме. Однако вавилонская религия, литература и наука не испытали какого-либо заметного влияния греческой культуры, и продолжение местных традиций заметно во всех аспектах повседневной жизни до II в. н.э., когда еще были живы люди, интересовавшиеся традиционной вавилонской наукой и умевшие читать и писать клинописные тексты. Кроме того, вавилонская астрономия оказала большое влияние на греческую науку. В книге на основе обильного документального материала прослежена также профессиональная деятельность и экономическая активность вавилонских предпринимателей.

В составе Селевкидской и Парфянской империй Вавилон до I в. до н.э. продолжал оставаться храмовым городом, и там находилось 43 святилища. Главным из них был Эсагил, храм верховного вавилонского бога Мардука (которого в рассматриваемое время величали Бел – «владыка»), функционировавший до III в. н.э.

Одна из глав книги посвящена сопоставлению военных, гражданских и судебных организаций храмовых городов Вавилона и Иерусалима, которые, несмотря на большие различия в исторических судьбах, в период селевкидского правления имели сходное устройство.

Читатель обычно ожидает от рецензента и критических замечаний. По мнению автора книги, управитель (*šatammu*) святилища Эсагил выполнял одновременно обязанности верховного жреца и был «традиционным религиозным лидером» и главой храмовой администрации Вавилона (с. 194, 319). Насколько я могу судить по вавилонским текстам I в. до н.э., указанный управитель был лишь главным администратором храма¹ и не выполнял религиозных функций, которые находились в ведении жрецов. По мнению Т. Бой, существование храма Эсагил в I в. до н.э. является «доказательством религиозной терпимости Селевкидской династии» (с. 78). С таким мнением трудно согласиться, поскольку древние религии до возникновения единобожия были политеистическими, и поэтому религиозная нетерпимость, как правило, вообще не проявлялась.

Трудно также согласиться с утверждением, что самое раннее восстание вавилонян против персидского владычества произошло после «убийства» (*murder*) царя Камбиза и во время правления самозванца Гауматы (с. 101). Если верить Геродоту (3. 66), Камбиз умер от болезни, что не противоречит и сообщению Бехистунской надписи, согласно которой он «умер своей смертью». Кроме того, насколько можно судить по источникам, в период правления Гауматы не было восстаний, и вавилоняне выступили против персидского владычества лишь после захвата власти Дарием I.

По подсчетам Бой, архив хорошо известного предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре содержит приблизительно 500 табличек (с.102). Однако в действительности в этом архиве насчитывается, по меньшей мере, 879 документов (включая фрагментарно сохранившиеся)².

В заключение приятно отметить, что рецензируемый труд, который снабжен обстоятельной библиографией и необходимыми указателями, а также автографическим изданием нескольких ранее неизвестных клинописных текстов, представляет важный вклад в изучение истории и культуры Вавилона в последний период его существования.

¹ Cp.: The Assyrian Dictionary. Vol. 17 (Š, pt II. Chicago, 1992). P. 185, 188: «Chief temple administrator».

² См. *Stolper M.W.* Murašû. Archive of the Anchor Bible Dictionary. Vol. 4. N.Y. etc., 1992. P. 927.